

А. Калимов

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ НЕКОТОРЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ДУНГАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Из существительных в дунганском языке, также как и в китайском, можно выделить группу слов, обозначаемых единицами измерения.¹ Грамматически эти единицы измерения отличаются от слов, не являющихся единицами измерения, следующими признаками.

Во-первых, числительные, вопросительные и указательные местоимения перед единицами измерения, т. е. перед теми существительными, которые употреблены не как обычно в своем значении, а в качестве какого-нибудь измерителя или меры для тех или иных предметов, не требуют обязательного оформления их на суффикс предметности—гы или любой другой счетный суффикс или счетное слово.

Например: „йи дын ю—одна лампа горячего масла“ или „ман-манди йи дын ю—полная одна лампа горячего, досл.: масла“.

Во-вторых, напротив, числительные, вопросительные и указательные местоимения в дунганском языке, стоящие перед обычным существительным, т. е. когда существительные употреблены в подлинном их смысле, требуют обязательного оформления первых на суффикс предметности—гы или на любую другую счетную морфему.

Например: „йигы ван—одна чашка“ (досл.: „одна штука чашка“). Точно также обстоит дело и в китайском языке. Различие состоит в том, что в китайском языке указательные и вопросительные местоимения не требуют обязательного оформления их на счетные суффиксы или счетные слова.

Например, по-китайски можно сказать: „на жень—который человек“ или „чжэ жэнь—этот человек“.

Здесь местоимения на и чжэ не оформлены каким-нибудь суффиксом, в то время как в дунганском языке они должны оформляться обязательно при помощи суффикса—гы, и по-дунгански эти выражения будут выглядеть так:

„нагы жын—который человек?“ или
„жы (йи) гы жын—этот человек“ и т. д.

¹ См. А. Калимов. Грамматические особенности счетных слов, счетных суффиксов и единиц измерения в современном дунганском языке. Институт востоковедения АН СССР. Краткие сообщения. XII, 1955, стр. 77—82.

В-третьих, в качестве другого отличительного признака единиц измерения от не единиц измерения мы можем привести еще тот факт, что при единицах измерения в дунганском языке употребляется слово „бан—пол, половина“, а при не единицах измерения, т. е. при обычных существительных, употребляется только слово „бангэзы—половина“.

Например: „бан ван ю—полчаши масла“ сравним с „бангэзы ван—половина чашки“ (часть целого).

Наконец, четвертый, последний, отличительный признак от не единиц измерения, в отличие от единиц измерения, заключается в том, что при не единицах измерения (обычных существительных) всегда может стоять суффикс предметности—гы.

Например: „йгы жын—один (досл.: штука) человек“.

Но там, где существительные употреблены в роли единицы измерения, наличия суффикса—гы не требуется.

Например: „йи жын го—человеческого роста (досл.: один человек) вышиной“.

Существительные, обозначающие единицы измерения, внутри себя делятся на производные и непроизводные единицы измерения.

Эти два разряда единиц измерения отличаются друг от друга следующими характерными особенностями:

1. Производные единицы измерения, как показывает само название, образованы от обычных существительных.¹

Например: „Быйли йи кудэ саса?—Что в (полном) мешке несешь?“.

Здесь „кудэ—мешок“—счетное слово и является производной единицей измерения от существительного.

Производные единицы измерения (счетные слова), как известно, могут иметь перед собою то или иное определение, выраженное качественными словами.

Например: „Вэ шанхали йи да луэ созы—Я нарубил одну большую кучу (досл.: скирду) хвороста“.

2. Непроизводные единицы измерения или обычные меры, как показывает само название, являются единицами измерения по своему своему назначению и стали настоящими единицами меры, хотя и происходят от существительных (теперь полностью потерявших первоначальное значение обычных существительных).

Например: слово „цзинь—китайский фунт“ раньше значило „топор“, а теперь употребляется как мера веса.

Непроизводные единицы измерения не могут не иметь при себе какого-либо определения, выраженного качественными словами. Так, например, по-китайски невозможно сказать: „и мань цзинь ю—один полный фунт масла“.

Очевидно, это объясняется тем, что непроизводные единицы измерения употребляются в настоящее время исключительно в качестве средств измерения, т. е. количественных слов, и выражают точные меры, которые не могут быть „длиннее“ или „короче“, „больше“ или „меньше“. Поэтому они не могут иметь при себе каких-либо определений.

¹ Не все существительные могут употребляться в качестве единиц измерения. Так, например, в этой роли почти не выступают существительные, обозначающие отвлеченные понятия.

Непроизводные единицы сами по себе делятся на следующие группы: меры длины, веса, объема, площадей, денежных единиц, единиц времени и т. д.

В дунганском языке непроизводные единицы измерения не вполне совпадают с таковыми в современном китайском языке. Все непроизводные единицы измерения в дунганском языке и по своему происхождению и по историческому пути развития можно разделить на два больших разряда. (При разделении единиц измерения на такие разряды мы исходим из некоторых весьма важных и свойственных для дунганского языка причин грамматического характера, о которых подробно речь будет идти ниже).

В первый разряд входят все заимствованные (т. е. собственно китайско-дунганские) единицы измерения. К таковым относятся все старые китайские единицы измерения, как мера длины, веса, объема и т. д., которые частично сохранились в дунганском языке.

Например: кит цзинь-дун-жин, лян-лэн; доу-ду; ли-ли; чичи; цунь-цун и т. д.

Ко второму разряду относятся такие непроизводные единицы измерения, которые вошли в дунганский язык из русского, киргизского, уйгурского, казахского и других языков при тесном общении дунганского народа с братскими народами, при совместной жизни и повседневном труде и культурном строительстве. При этом здесь еще следует отметить, что единицы измерения вошли в дунганский язык в разное время. До революции были такие заимствованные единицы измерения, как „хада—фунт“ от уйгурского, киргизского „кадак“, „чякырым“—от киргизского „чакырым“, что значит „расстояние, на которое может долететь звук человеческого голоса“, т. е. „верста“, „дэше—десятина“ и „сарыжён—сажень“, заимствованы из русского языка через киргизский и казахский языки; „гизы“—от киргизского, узбекского, казахского „кэз—аршин“; „сахат—час“ (татарское сагат).² А другие единицы измерения этого разряда являются обычными метрическими единицами меры.

Например: „тонна“ (произносится часто дунганцами старшего и среднего поколения „тун“), „центнер—синтир“; „кило—килограмм“; „километр“; „метр“; „сантиметр“; „гектар“; „сутка—сутки“; „минут—минута“ и другие.

Эти новые слова, вошедшие в дунганский язык после революции, стали вытеснять старые единицы измерения вообще. Помимо этого, метрические единицы измерения имеют некоторые грамматические отличия от обычных, в особенности по сравнению с неметрическими единицами.

По своим грамматическим особенностям все новые единицы измерения в дунганском языке в свою очередь принадлежат к двум различным грамматическим типам.

Одни из них имеют все те особенности, которые характерны и для старых дунганских единиц измерения, и в соответствии с этим они, как обычные единицы измерения, соединяются непосредственно с числительными, а также со словами „бан—половина (или пол)“.

¹ К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. Москва, 1941, стр. 123.

² Проф. К. К. Юдахин разъяснил нам, что слово сахат, судя по фонетическому составу, вошло в дунганский язык непосредственно из татарского.

Так, например, сравним:
„Йи жин—один фунт“ с „Йи хада—один фунт“, или „Йи чы—один аршин“ с „Йи гизы—один аршин“ и „бан жин—полфунта“ с „бан хада—полфунта“, или „бан чы—пол-аршина“ с „бан гизы—поларшина“ и т. д.

Другие же единицы измерения, наоборот, вошли в дунганский язык как обычные существительные и принадлежат к категории единицы измерения только по своей семантике. Такие единицы измерения характеризуются тем, что числительные при них должны быть оформлены на суффикс предметности -гы (как у обычных существительных).

Кроме того, вместо слова „бан—половина“ употребляется слово „бангэзы—половина“ (в полном смысле этого слова).

Русское слово „половина“ („пол“) в дунганском языке передается двумя способами: во-первых, когда речь идет об единицах измерения как таковых, то употребляется слово „бан—пол, половина (бан жин—полфунта (китайского) или бан гизы—поларшина“; во-вторых, когда же говорится о конкретных существительных или же о тех единицах измерения, которые по своим фонетическим признакам в дунганском языке относятся к категории существительных (это касается исключительно заимствованных слов), то используется слово „бангэзы“, которое состоит из следующих частей: „бан“—половина, „пол“, плюс счетный суффикс -гэ (гы—штука), плюс другой суффикс предметности -зы.¹

Например:

„Йигы чяхырым—одна верста, букв.: одна штука верста“;
„бангэзы чяхырым—половина версты“;
„Йигы дэши—одна десятая, одна штука десятины“;
„бангэзы дэши—половина десятины“.

Возьмем для сравнения примеры с существительными.

„Йигы ва—одна черепица, одна штука черепица“;
„бангэзы ва—половина черепицы“;
„Йигы гуэзы—одно яблоко, одна штука яблоко“;
„бангэзы гуэзы—половина яблока или пол-яблока“.

Возникает вопрос, чем объяснить то обстоятельство, что в одних случаях новые слова вошли в дунганский язык как единицы измерения, а в других случаях—как существительные? Повидимому, данное языковое явление можно объяснить следующим:

При заимствовании слов дунгане пытались уподобить их уже существующим в дунганском языке словам так, чтобы это слово подчинилось фонетическим законам дунганского языка. Если это удавалось, то слово переставало восприниматься, как „чужое“ или заимствованное и полностью следовало всем грамматическим правилам дунганского языка. Если же слово сохраняло свой недунганский фонетический облик (потому ли, что оно оказывалось слишком длинным для дунганского языка, или потому, что содержало слишком много недунганских звуков, или по другим каким причинам), оно продолжало ощущаться, как иноязычное и не могло полностью быть подчинено правилам дунганской грамматики.

¹ Подробнее о суффиксе-зы см. в книге А. А. Драгунова, «Исследования по грамматике современного китайского языка», 1952, М.—Л., стр. 75—91.

Например, русское слово „пуд“ в киргизском языке читается „бут“ (заметьте, что в киргизском языке собственно киргизские слова на п не начинаются, поэтому в слове „пуд“ п озвончено по примеру киргизских слов, кроме того, нет ни одного слога с звонким согласным д, отсюда и д переходит в глухой т).

В дунганском языке дело пошло еще дальше. Поскольку нет закрытого слога с согласным звуком т, необходимо было разделить это слово на два слога: первый слог пу, а согласный т сам по себе не дает слога, поэтому и прибавляется еще конечный н, который является обычным конечным звуком закрытого слога в дунганском языке. Так как сочетание двух согласных тн невозможно, то между ними появилось ы и в результате образован слог тын, что вполне привычно для дунган, и он имеет определенное значение под тем или иным тоном.

Можно прийти к выводу, что поскольку слова: хада, гизы, пугын фонетически близки к дунганским словам (главным образом, на слух) и являются единицами измерения, то их и следует включить в категорию обычных единиц измерения.

Так обстоит дело со словами хада, гизы, которые подвергались некоторому фонетическому изменению: первое утратило к в конце (хада от кадак), а ко второму присоединен ы (гизы от көз), и сочетание ги+зы дает две самостоятельные морфемы в дунганском языке.

Что касается остальных единиц измерения, вошедших в дунганский язык в дореволюционный период и позднее, как, например, метрические меры, то они стали употребляться грамматически как существительные, потому что они, во-первых, многосложные слова, а во-вторых, их закрытые слоги фонетически не сходны с дунганскими словами. Хотя они и выполняют функции единиц измерения, но воспринимаются дунганцами как единицы измерения более „условно“, чем первая группа, и отсюда, по всей вероятности, они стали оформляться при счете грамматически и как обычные существительные.

Интересно отметить, что китайско-дунганские единицы измерения здесь или полностью вытеснены заимствованными словами, или же резко сокращают сферу своего применения, встречаются, например, чаще в речи стариков. В этом отношении очень показательны старые меры длины. Такие китайские меры длины, как „ли—китайская верста“, „чжан—китайская сажень“, „тан—погонов (пролетов) пути“, почти полностью вытеснены в дунганском языке. Слово „ли“ вытеснено было словом „чяхырым“, а последнее—уже метрической мерой „километр“, а „чжан—сажень, метр“.

В записанных мною у одного крестьянина—жителя с. Сокулук, по имени Диншанло—материалах имеются такие фразы, в которых он, говоря о дальности расстояния, употреблял слова „ли“ и „тон“. Он говорил: „Ли шонся ю шы йизр ли лү—От горы, что лежит от нас вверх, будет 11—12 ли пути“. Или: „Мерке ли жар ю сан тон лү—Мерке отсюда будет в 3-х тон“ (погонов) пути“.

В последнем примере китайское слово „тон—погон“ является как бы описательной единицей измерения, она не имеет точной длины.

В речи молодого поколения, а также в печати эти единицы совершенно отсутствуют, они вытеснены метрическими единицами, поэтому молодежь употребляет обычные метрические меры: „Ли Львов

чын дюха шыгы километр лүди сыже ...—Когда до города Львова оставалось 10 км...

Другие единицы измерения (меры длины), как „чы—аршин“, „цун—вершок“, также постепенно выходят из употребления в дунганском языке. Если по-китайски говорят: „йи чы бу—один аршин материи“, или „йи чы чонди бу—материя длиной в один аршин“, то по-дунгански в этих случаях можно сказать только: „йи чы чонди...—один аршин длиной“, но теперь уже не говорят „йи чы бу—один аршин (китайский фунт) материи“.

Иначе говоря, эти слова в китайском языке могут непосредственно сочетаться как с существительными, так и с качественными словами. В дунганском языке слова „чы“ и „цун“ могут сочетаться только с качественными словами и реже с глаголами, но отнюдь не с существительными. Таким образом, по-дунгански можно сказать: „йи чы чонди бу—материя длиной в один аршин“, „жонли йи цун—вырос на один вершок“. Здесь также следует отметить, что эти единицы измерения в свою очередь вытесняются другими метрическими единицами измерения, как „сантиметр“, „миллиметр“.

Вместо вышеуказанных примеров теперь говорят: „йигы сантиметр чонди...—одного (штука) сантиметра длиной“, „жонли йигы сантиметр—вырос на один (штука) сантиметр“ и т. д.

Наиболее интересными с точки зрения грамматических особенностей являются единицы времени.

В дунганском языке единицами времени являются, в основном, все те же слова, что и в китайском языке. Например: „нян—год“, „йүэ—месяц“, „жи—сезон“ (последнее слово употребляется обычно в форме „сыжи“ досл.: четыре сезона; „тян (или реже жыгы)—день“, „шинчи—неделя“. Слова: „нян—год“, „тян—день“, „вэщи—ночь“ во всех случаях при сочетании с числительными, а также вопросительными и указательными местоимениями ведут себя точно так же, как и обычные единицы измерения, т. е. числительные при них не требуют оформления на счетные суффиксы. Сравним: „йи нян—один год“, или „йи жин—один фунт“.

Точно также можно сравнить: „лән тян бан—два с половиной дня“, или „лән цун бан—два с половиной вершка“.

Также слова, как „йүэ—месяц“, „шинчи—неделя“, подобно тому, как в китайском языке, при счете представляют собою обычные существительные и грамматически оформляются, как последнее. Поэтому по-дунгански говорят: „зү йигы йүэ—поработать один (штука) месяц“; „бангэзы йүэди хуэ—половина (штука) месяца работы“; „йигы бан йүэ—полтора месяца“.

Биномы, типа „саниүэ“ или „вуйүэ“, обозначают порядковые названия месяцев, т. е. календарные месяцы, которые означают букв.: „три месяца“ или „третий месяц“, т. е. „март“, или „пять месяцев“, или „пятый месяц“, т. е. „май“.

Особенностью единиц времени в дунганском языке является то, что, помимо старых единиц времени, мы имеем еще новые заимствованные слова, обозначающие единицы времени. Так, например, слово „жума“ со значением „неделя“ было заимствовано через киргизский и уйгурский языки со значением „неделя“, „пятница“, и это слово в свою очередь стало вытеснять дунганское (китайское) слово „шинчи—неделя“. В дальнейшем слово „жума“ дунгане стали иногда заме-

нять словом „выходной“ (только в устной речи). Например: „Та зэ вэму жар жули сангы жума—Он у нас здесь прожил три недели“.

„Вэ зэ чыншон нянфуди сыхур, йигы выходной хуйлэди йихуй—Когда я учился в городе, каждую неделю (досл.: выходной) приезжал домой“.

„Йитянди гү шёнжуон йигы минут литу кэ ваоцордыхали (Шивазы)—Весь день безлюдная деревня сразу, в течение одной минуты, стала очень шумной“.

В китайском языке не имеется специального, подобно русскому языку, названия для календарных месяцев. Для этого употребляются порядковые числительные плюс слово „юэ—месяц, луна“.

Что касается дунганского языка, то в нем китайско-дунганские названия месяцев продолжают бытовать в фольклоре и среди людей старшего поколения.

Например, дунгане говорят: „ба йүэ чу йи—восьмого месяца первый день“, т. е. первого августа;

„ву йүэ дан ву—пятого месяца пятый день“, т. е. пятого мая.

В литературе, среди интеллигенции и молодежи китайские названия месяцев вытесняются новыми, русскими названиями месяцев. Важно при этом отметить, что, например, употребляется „Чу йиди май—Первое мая“ вместо старого „ву йүэ чу йи—пятый месяц первый день“, т. е. „Первое мая“. Кроме того, нижеследующие примеры из моих личных записей представляют еще такой интерес:

„Ба вэ йичян жюбый сышы эр нян эршыди август тешон доли города Алма-Атали—Меня в тысячу девятьсот сорок втором году призвали в армию, и я прибыл в город Алма-Ата“.

Здесь название года сохранило свое обычное место в предложении, т. е. оно, как видно, предшествует дате и названию месяца, а число и месяц, наоборот, расположены вопреки обычному порядку и являются точной передачей русской речи.

По-дунгански следовало бы сказать: „августа 20-е число, т. е. ба йүэ эршы—восьмого месяца двадцатое число“ и т. д.

„Да июнь 1943 нян вэ до (ли) город Черниговли—В июне 1943 года я прибыл в город Чернигов“.

Здесь, в этом примере, месяц предшествует году, как в русском языке. Или возьмем еще другой пример: „Ба вэ гэдэ старший учетчик шонли, ги март 1948 няншон—Меня назначили старшим учетчиком с марта месяца 1948 года“.

Как видно, в последних двух примерах взят русский порядок слов. Это обстоятельство, возможно, объясняется следующим: все примеры такого типа, т. е. там, где меняется порядок слов при названии месяцев и городов, а также при обозначении даты, записаны мною летом 1949 г. в различных дунганских деревнях со слов молодых дунган, главным образом от участников Великой Отечественной войны, причем первые примеры мне сообщены в с. Ирдыке, а последние два—в с. Александровке.

Здесь опять-таки следует отметить то обстоятельство, что в одном примере порядок слов при датировке только отчасти сходен с русским (первый пример), а в другом (последние два примера) обнаруживается полная идентичность. По-видимому, объясняется это тем, что ирдыкские дунгане живут в более тесном общении с кир-

гизским народом, а в с. Александровке, наоборот, преобладает русская речь.

То обстоятельство, что заимствованные названия месяцев сопровождаются одновременно заимствованием синтаксической конструкции того языка, в который это слово входило, не представляет собою единичное явление; таких случаев наблюдается очень много.

Например: „Ленинди музей сахат лѣнгышон кэдини (Юсуров) —Музей Ленина в два часа открывается“. „До Фрунзе уже жысы эршы эрди январь, сахат чыгышон доли военкоматди мыншонли—(Когда) прибыл во Фрунзе, уже было 22 января, а в 7 часов мы были у ворот военкомата“.

„Ган сахат шыгышон ба город Сейсин (ди) бангэзы жѣ вѣму дыйшонли, сахат лѣнгышон ба город Сейсинди бангэзы кэ жѣ вѣму кэ жаншонли—К 10 часам часть города Сейсин была занята нашими, а к 2 часам уже заняли другую часть города“.

В языке советских дунган в отличие от китайского слово „чжунтоу“ или „чжун—час“ с его подразделениями: „ке—четверть часа“, „фэн—минута“ и „мясо—секунда“ совершенно не употребляется. Вместо него употребляется новое заимствованное слово, как „сахат—час“, а в качестве его подразделения употребляются обычные слова „минут—минута“, „секунд—секунда“, которые вошли в дунганский язык грамматически, как уже говорилось выше, в виде существительных.

Таким образом, вместо китайского типа предложения: „Хуэчэ сан дян гуэли эршы ву фын лэни“—дунгане теперь говорят: „Хуэчэ сахат сангы гуэли эршы вугы минут лэни—Поезд в 3 часа 25 минут придет“.

„Ганзо чи (нян) йигы урокли хуанди вугы минут, да перемена хуанди шыгы минут—Утром, когда кончится один урок, отдыхаем пять минут, а во время большой перемены отдыхаем 10 минут“.

Так говорят в большинстве случаев молодежь и дунгане среднего поколения, но и нередко можно заметить такие выражения и в речи стариков, где вместо китайских слов для обозначения „часа“ и его подразделения употребляются те же самые слова, которые приняты для этого в русском языке („минута“, „секунда“), и тюркское слово „сахат“.

Слово „сахат“ дунганями употребляется и в смысле определенно-го и точного момента и тогда отвечает на вопрос „когда?“ и в смысле отрезка времени, тогда отвечает на вопрос „сколько?“ или „в течение какого времени?“. Например:

„Ни дуэхур лэ?—Ты когда пришел?“

„Вэ сахат сангы гуэли ши вугы минут лэ—Я в три часа 15 минут пришел“.

„Та дынли дуэдади гунфу?—Сколько времени он ожидал?“

„Та дынли йигы сахат—Он ожидал один час“.

„Шуэсынму йи тян нянди жигы сахат?—Учащиеся (студенты) в день сколько часов занимаются?“

„Йи тян нянди люгы сахат—В день занимаются по шесть часов“.

При этом надо отметить, что китайское слово „шы—чен (дунганское сышын)—двойной час“ в дунганском языке сохранилось, но в отличие от китайского языка оно здесь обозначает просто обычный час и употребляется только лишь в смысле отрезка времени, отвечая на вопрос „сколько?“, но не „когда?“. Приведем к этому несколько примеров:

„Гунжын зули жигы сышын хуэ?—Сколько часов проработал рабочий?“

„Гунжын зули люгы сышын хуэ—Рабочий проработал шесть часов“.

Со словом „сышын“ теперь уже менее удобно строить вопросы, как:

„Ни сышын жигышон лэ?—Ты часов во сколько пришел?“ или „жигы сышыншон лэ?—Во сколько часов пришел?“

В этом случае дунгане предпочитают спросить: „Не дуэхуэр лэ?—Ты когда пришел?“ или „Ни сахат жигышон лэ?—Ты часов во сколько пришел?“

В современном дунганском языке слово „сышын—час“, как уже говорилось выше, вытесняется словом „сахат—час“ в тех случаях, когда речь идет не об отрезке времени или продолжительности времени, а о точном моменте времени.

Так, например: вместо „Шуэсынму багы сышыншон нянфучили—Школьники восемь часов учиться ушли“, т. е. „Школьники ушли учиться в восемь часов“.

Теперь по-дунгански в большинстве случаев говорят: „Шуэсынму сахат багышон нянфучили—Школьники часов восемь в учиться ушли“, т. е. „Школьники часов в восемь ушли учиться“.

В значении отрезка времени слово сахат, наоборот, употребляется реже, чем слово сышын, но, тем не менее, это вполне возможно. Поэтому можно сказать:

„Вэму жир дынли лѣнгы сышын машинэ—Мы сегодня ждали машину 2 часа“ или

„Вэму жир дынли лѣнгы сахат машинэ—Мы сегодня ждали 2 часа машину“.

„Итян нянди багы сахат, фиди лю-чигы сышын—В день учимся 8 часов, спим 6—7 часов“.

Слово „сахат—час“ обладает помимо того еще одной очень важной и интересной особенностью. Оно вошло в язык советских дунган вместе с тюркской синтаксической конструкцией.

1. По-китайски говорят:

„Хуэчэ чжеэ цзай лян дьянь чжун лайли—Поезд ровно в два точ-ка (штука) часа прибыл, т. е. Поезд прибыл ровно в два часа“.

2. Дунганская же синтаксическая конструкция этого предложения будет такова:

„Хуэчэ ровню сахат лѣнгышон лэли—Поезд ровно часа два в прибыл—Поезд прибыл ровно в два часа“.

3. Этот же самый порядок слов мы находим и в киргизском языке, где говорят:

„Поезд тууда саат экиде келди—Поезд ровно часа два в прибыл, т. е. Поезд прибыл ровно в два часа“.

Как видно из этих примеров, дунганское предложение построено по киргизской схеме, а не по китайской. По китайскому порядку слов следовало бы сочетание: „два штука часа в“, а здесь мы имеем в дунганском языке: „часа два штука в“ и точно так же в киргизском языке, где имеется сочетание „часа два в“. Такой случай не единичный, можно привести и еще ряд примеров.

В тех случаях, когда имеется в виду время, в смысле отрезка времени, и, следовательно, подразумевается продолжительность вре-

мени, китайский (а также дунганский) с киргизским порядком слов вполне совпадают. Например, в дунганском языке:

„Вэ зүли багы сышын хуэ“ или „Вэ зүли багы сахат хуэ, т. е. Я проработал восемь часов“, а по-киргизски будет:

„Мен сегиз саат иштедим“, с тем же значением. Таким образом, мы видим, во-первых, что заимствованные единицы измерения в современном дунганском языке принадлежат к двум основным типам: один из них (путын, хада, гизы) характеризуется теми же грамматическими особенностями, что и заимствованные единицы измерения, другие же заимствованные единицы измерения (сарыжён, вэришок, чяхырым) и все метрические измерения (наоборот, вошли в дунганский язык грамматически как обычные существительные и являются единицами измерения только по своему значению.

Во-вторых, заимствованные единицы измерения, особенно слова, обозначающие метрические меры, как и заимствованные счетные слова, не приводят сразу к вытеснению старых единиц измерения, а процесс этот идет постепенно.

Наконец, в-третьих, анализ единиц измерения в современном дунганском языке дал нам возможность сделать и тот вывод, что в связи с обогащением словарного состава совершенствуется в некоторых отношениях и структура дунганского предложения, особенно порядок слов в предложении. Это явление имеет место только там, где заимствованное слово имеет важное бытовое значение и употребляется очень часто.

И. И. Юсупов

УЧАСТИЕ ТРУДЯЩИХСЯ ДУНГАН В УСТАНОВЛЕНИИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В СЕМИРЕЧЬЕ

Советские дунгане, живущие ныне в Алма-Атинской и Джамбульской областях Казахской ССР, Фрунзенской, Иссык-Кульской и Ошской областях Киргизской ССР, являются потомками тех дунган, которые вынуждены были уйти в пределы России после подавления анти-маньчжурского восстания дунган 1862—1878 гг. в Северо-Западном Китае и принять русское подданство.

В СССР проживает более 30 тысяч дунган. В Китае дунгане встречаются во многих провинциях, но основная масса их проживает в Ганьсу и Шэньси, а также в Синьцзяне, численность их по переписи 1953—54 гг. составляет 3559390 человек¹.

Основным занятием поселившихся в Семиречье дунган было земледелие (рис был завезен в Семиречье дунганами и стал возделываться ими с 1882 года. См. „Орошение в Туркестане“. С.-Петербург, 1910, стр. 278). Городские дунгане занимались извозом, мелкой торговлей, кустарными ремеслами.

Переселенцы-дунгане, наладив свое хозяйство с помощью окружающих их казахов, русских и киргизов, стали составной частью и важным элементом в экономической жизни Семиреченской области, внося свой значительный вклад в расширение круга возделываемых культур и т. п.

Дальнейшее развитие хозяйства дунган зависело от тех социальных и экономических сдвигов, которые имели место как в Семиреченской области, так и во всем Казахстане и Киргизии.

До Великой Октябрьской революции дунгане, как и другие национально-колониального угнетения царизма. Положение дунганского трудового крестьянства было не лучше, если не хуже, чем от малоземелья. Так, например, к 1915 году у дунган беспосевных хозяйств было 29,4%, а хозяйств, владевших до трех десятин земли и немного более, — 28,7%².

Национально-колониальная политика царизма в Семиречье, особенно усилившаяся накануне и в период первой империалистической

¹ См. газ. „Женьминьжибао“, № 2306, I. XI, 1954 г.

² В. А. Васильев. Семиреченская область и роль в ней Чуйской долины. Петроград, 1915, стр. 99.